

родческого элемента; не рассмотрена его роль в создании государства и народности. Все это взяла на себя, славянофильская школа. Для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы разсмотримъ важнейшія мнѣнія славянофиловъ, писавшіе по русской исторіи.

§21. Славяно-фильская школа.

Н. С. Аксаковъ, Ив. Дм. Блжновъ, Лешковъ и Коляловъ.

Библиографія:

Щенгеровъ. Критико-біографическій словарь. Самая обстоятельная біографія Н. Аксакова.

Пальмовъ. Памяти Колялова.

Въ литературной дѣятельности этихъ людей мы и обращаемся. Общая характеристика трудовъ этихъ ученыхъ уяснить намъ произхождение ихъ выводовъ. У славянофиловъ три основные тезиса: народность, самодержавіе и православіе; на нихъ, по ихъ мнѣнію, покоится здание русской исторіи. Эти элементы у нихъ являются органическими, а не случайными; все проявленія одинаково составляютъ сущность русской исторической жизни, нельзя ни одного изъ нихъ вычеркнуть. Привлеченіе народностью въ 20-хъ и 30-хъ годахъ было противодействіемъ западническому направленію, выразившемуся въ особенной силѣ въ Московскомъ кружкѣ, основанномъ Станкевичемъ и известномъ подъ именемъ кружка Станкевича; это западни-

ческое направлѣніе дошло до крайности въ мѣ-
цѣ Бѣлинскаго и Грановскаго и вызвало
реакцію въ членахъ того же кружка и, меж-
ду прочимъ, въ Аксаковъ, который сдѣлался
идущимъ выразителемъ и шавою славянофиль-
ства. Громадное вліяніе на складъ славяно-
фильскаго міровоззрѣнія Аксакова имѣли
многія условія его личной жизни. Жизнь
въ деревнѣ, среди условій деревенской приро-
ды, очень богатой въ той мѣстности, зна-
комство съ деревенскими батолъ, идеализа-
ціе народа привели Н. Аксакова къ мысли
о необходимости русской точки зрѣнія въ наукѣ,
заставили его воздвигнуть народность въ рус-
ской исторіи. Н. Аксаковъ замѣчаетъ, что
русскую исторію начали разрабатывать
нѣмцы (Шлецеръ, Байеръ и др.), которые не могли
отрываться отъ своихъ національных
предубѣжденій. Погодинъ, Соловьевъ пошли
по стопамъ нѣмцевъ. Погодинъ шелъ по сто-
памъ Шлецера, Соловьевъ по стопамъ Эверса
(относительно внутренняго вѣка русской исторіи).
Ни тотъ, ни другой не разрабатываетъ
вопроса о народности. Это игнорированіе
народа въносило изъ того, что послѣ Петров-
ской реформы порвалась связь между выс-
шимъ и низшимъ классами народа. Низшій
классъ сохранилъ и до сихъ поръ до-петров-
скія черты своей народности, а высшій слой
отрвался отъ народной почвы и пошелъ
по ложному пути; указавъ черты своей
народности. Такова тенденція нашего
времени, замѣчаетъ Аксаковъ / т. е. 20^х 30^х и

50^{-х} годов). Въ русской народности славяно-
 фрии открываютъ такія черты, какихъ не су-
 ществуетъ у народовъ западныхъ. Но, никуда
 дальше констатированія этихъ особенностей
 русскаго народа — русскій славянскій судъ бы
 предоставилъ православію востокъ, а на западъ
 всюду господствуетъ католицизмъ или отщип-
 нѣ его — протестантизмъ, и нужно признатъ-
 ся, говорятъ славянофилы, что правда у насъ,
 а на западъ ложь. Православіе полагаетъ
 единство церкви въ совокупности всѣхъ людей,
 соединяемыхъ однимъ духомъ, католицизмъ
 въ лицѣ одного человека (который исключаетъ
 изъ общаго органическаго закона развитія, т.е.
 считаетъ непогрѣшимымъ), а протестан-
 тизмъ — въ лицѣ каждого человека въ от-
 дѣльности, т.е. каждый индивидуумъ со-
 ставляетъ церковь. Приблизительно западной мнѣ-
 та, что христіанство западное, водворив-
 шее на Римской почвѣ, подпало вліянію
 языческой древности, и католицизмъ явился
 отраженіемъ христіанства въ латинской
 представленіи. Германскіе народы, приняв-
 шіе римское христіанство и римскую обра-
 зованность, приобщились тому же искаженію
 религиозныхъ понятій. Въ католицизмѣ удер-
 жались понятія о церкви, обряды и догма-
 ты, но подъ вліяніемъ практическаго нача-
 ла, преобладавшаго въ западномъ развитіи,
 это понятіе тѣмъ же и осуществилось въ
 формѣ государства. Идея единства церкви
 чужда монархическому правленію, характеру
 вселенской церкви и каждаго до понятія

о всемирномъ преобладаніи, пропаганда при-
нята характеръ завоевательнаго стремленія,
а германскіе народы, внесшіе въ жизнь нача-
ло личной независимости, выказали протесъ.
Въ католицизмъ мены церкви были поставле-
ны не въ церкви, а надъ ней, т. е. были поддан-
ные шавы ея — папы, представляющаго символъ
церкви. Разницу между католицизмомъ и
православіемъ развивали Мв. Кирьевскій и А. С.
Хомяковъ. Въ нашемъ русскомъ народѣ и исто-
риѣ существуетъ еще одна коренная черта,
отличающая насъ отъ западныхъ государствъ
— самодержавіе. На западѣ общество вышлѣ-
вается въ двѣла государства, что составляетъ
чрезвычайный недостатокъ, по истинѣ славяно-
фильству. У насъ государство и народъ некончи-
тельно и развиваются, какъ двѣ независимыя
и различныя силы и никогда не сливаются.
Государство пригласяетъ народъ для совеща-
ній (въше). Народъ, высказавши свои мнѣнія,
опять уходитъ, оставляетъ государствен-
ную двѣлу. Главнѣе образомъ, въ сѣ формаль-
ной правды на западѣ, въ сѣ договора
между обществомъ и государствомъ, выказы-
вающего недовѣріе къ монархической вла-
сти, — у насъ существуетъ внутренняя прав-
да; нами въше не ограничивали верховной
власти.

Біографія и Характеръ ученой двѣ а-
тельности А. С. Аксакова.

А. С. былъ старшій сынъ известнаго литера-
тора Сергія Тимофеевича Аксакова.
Онъ родился 29 марта 1817 года въ селѣ

Аксаковъ (оно же - Багрово въ „Семейной хро-
 никѣ“) Бузурусманскаго уезда Оренбургской
 губерніи. Здѣсь К.С. проживъ до 9 лѣтъ, нахо-
 дясь въ постоянно́мъ общеніи съ багровскими
 крѣстьянами, которые, благодаря благода-
 рымъ климатическимъ условіямъ богата-
 го Оренбургскаго края, въ интеллектуаль-
 номъ и нравственномъ отношеніи сдѣла-
 вшіе задѣлано крѣстьянства другихъ ча-
 стей Россіи. И такъ какъ Константину
 Сергѣевичу отпущаясь необыкновенно ран-
 нимъ чувственнымъ развитіемъ, то нѣтъ
 сомнѣній въ томъ, что, именно, издѣли-
 скіе условія, среди которыхъ прошло дѣт-
 ство будущаго восторженнаго проповѣдни-
 ка необходимости единенія интеллиген-
 ции съ народомъ, и обусловили въ значитель-
 ной степени оптимистическій взглядъ его
 на возможность этого единенія. Первымъ
 наставникомъ Конст. Серг. былъ его отецъ.
 Въ 1832 году К.С. поступаетъ на словесный
 факультетъ Московскаго Университета,
 который переживалъ критическій моментъ,
 переходную эпоху, когда начиналось болѣе
 серьезное отношеніе къ наукѣ. Тѣреніи
 происходили и въ профессурѣ, и въ студенче-
 ствѣ. „Студентъ изъ бурна превращается
 въ молодого человека, поглощеннаго выс-
 шими стремленіями. Трежніе патриар-
 хальныя нравы, когда московскіе студенты
 шавнымъ образомъ занимались пѣвнствомъ,
 буйствомъ, задираніемъ прохожихъ, напо-
 томому начинаютъ отходить въ область

преданий. Правда, еще въ годъ вступленія Аксакова въ университетъ, студенты забавлялись тѣмъ, что устраивали нѣкто-раннихъ профессоровъ такихъ, напримеръ, шучки: пронесутъ подъ полой воротъ въ аудиторию и затѣмъ, когда профессоръ выйдетъ въ паркъ, выпустятъ его; воробей примется летать, а студенты, будто внѣ себя отъ негодованія, съ шумомъ и гамомъ повскачутъ со скамеекъ и начинаютъ ловить по всей аудитории нарушителей порядка." По времени пребыванія въ университетѣ Н. Аксакова относятся „образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно связанное съ кружкомъ молодыхъ людей, восторженныхъ и честныхъ, сходившихъ затѣмъ, чтобы выяснитъ себѣ вопросы правдивныя, философскія, политическія". По времени К. С. образовалось два такихъ студентскихъ кружка, сплотившихся чрезъ нѣсколько лѣтъ въ одинъ „кружокъ Станкевича". Въ тѣ годы (1833—1840), когда Н. Аксаковъ, находясь подъ нестрашимымъ обаяніемъ высокой душевной красоты Станкевича и страстными порывомъ къ святу бѣлинскаго, шелъ рука объ руку съ людьми, съ которыми имъ впоследствии вступило въ ожесточеннѣйшую борьбу, эти люди съ какою-то, по истинѣ, фанатическимъ увлеченіемъ предались изученію тѣмъ же философскимъ вопросамъ и задачамъ въ частностяхъ." Молодежь кружка о философіи Гегеля постоянно, проводила якобыко ночи иногда въ

спорахъ о какомъ нибудь вопросе. „Люди, любив-
шіе другъ друга, расходившіеся на чужій недъ-
ли, не согласившіеся въ опредѣленіи „перехва-
тывающаго духа“, принимали за обиды лич-
ныя объ „абсолютной личности и ея по себѣ
бытіи.“ Въ уничтожившія брошюры, вы-
ходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ
и уездныхъ городахъ, нѣблизкой философіи,
гдѣ только упоминалось о Гегель, выписы-
вались, зачитывались до дыръ, до паченъ, до
паденія листовъ, въ нѣскольکو дней.“ „Въ ря-
ду этихъ энтузіастовъ гегелианскаго одно-
изъ первыхъ мѣстъ по снѣ приверженно-
сти къ ученію Берлинскаго философа зани-
малъ К. Аксаковъ, страстная натура ко-
торого не уныла ничего дѣлать на поло-
вину. Гегелианскаго, впрочемъ, настолько про-
но въ немъ зашло, что еще долго послѣ то-
го, какъ онъ совершенно разошелся съ друзьями
по кружку Станкевича и съ такими же по-
ломъ боролся съ ними, какъ нѣкогда шелъ
заодно, онъ, все-таки, не могъ отдѣлаться
отъ схемы твора діалектической филосо-
фіи. Какъ, фальше мы увидимъ, что ма-
гистерская диссертация К. Аксакова,
относящаяся къ 1846 году, т. е. къ тому вре-
мени, когда онъ уже былъ однимъ изъ пе-
редовыхъ застрѣльщикомъ славянофильскаго,
является по основной задачѣ своей не болѣе,
какъ иллюстраціей къ ученію Гегеля о снѣ-
нѣ историческихъ эпохъ и наслоеній.“

Отношенія кружка къ существующему по-
Рус. Исторіографія. 21. лекц. проф. Багалъ. Листъ 32.

рядку, взгляды на Россию, носившіе сначала по-
 жителѣный характеръ (такъ называемое пра-
 вое гегелианство, проповѣдующее, что „все суще-
 ствующее разумно“), принявъ потомъ, по сло-
 вамъ самого Аксакова, „большую часть отри-
 цательное“ направленіе. Со смертію Стан-
 кевича (около 1840 г.), мягкая натура котора-
 го уравновѣшивала противорѣчивыя стремле-
 нія членовъ кружка, скрытый оппозицион-
 ный духъ этого кружка выходитъ наружу,
 и особенно резко выразился въ Бѣлинскомъ, ко-
 торый отъ праваго гегелианства крутно по-
 ворачивается въ противоположную сторону;
 съ отъѣздомъ его въ Петербургъ (1839 г.), Акса-
 ковъ все болѣе и болѣе началъ сблизиваться съ
 Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Самаринскимъ; „преж-
 ніе друзья обмѣнялись нѣсколькими резки-
 ми письмами и навѣки разстались. К. Акса-
 ковъ пошелъ направо, Бѣлинскій — лѣво. По
 каждаго изъ нихъ при этомъ сердце кровью
 обливалось.“ Разрывъ между этими близки-
 ми друзьями былъ неизбеженъ по самому ха-
 рактеру ихъ духовной натуры: оба они бы-
 ли фанатиками своихъ мнѣній и, при раз-
 личіи пониманія вещей, должны были разо-
 ниться въ противоположныя стороны.“ „А по
 натурѣ жидъ“ — писалъ Бѣлинскій по пово-
 ду своей ссоры съ Аксаковымъ, подражая
 подъ этимъ словомъ человека съ исклю-
 чительными симпатіями, которому ненави-
 стно все не свое, который не выноситъ ни ма-
 лѣйшаго компромисса съ „филлистерства-
 ми.“ Но такимъ же жидомъ по натурѣ

был и Н. Аксаков. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только свою истину, только ту истину, которая отражена въ любезной ему увлеченности; онъ тоже не понималъ никакихъ-бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашений. И вождь почему оба президиума друга играютъ одну и ту же роль въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно принявшимъ послѣ разрыва. Съ такою же необузданностью, съ какою, неистовый "Цезаріонъ" выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Н. Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболее крайнихъ проявленіяхъ. Жизнь К. С. очень бедна внешними событиями, онъ не былъ прилежнымъ ученымъ; онъ всецѣло былъ поглощенъ своими книжными занятіями и всю жизнь свою велъ въ высшей степени идеалистично. Вотъ какъ описываетъ его Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Н. Аксаковъ въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока съ лишнимъ лѣтъ, т. е. до самой смерти своей, совершенномъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ поддержки сѣмейства. Въ своихъ литературныхъ и ученыхъ занятіяхъ онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца и происшедшая отъ этого перемѣна въ домашнее быту вдругъ слатила его несо-

кручинное здоровое. Онъ не могъ пережить этой потери и перемены, и умеръ не только холостякомъ, да еще двѣсвѣтникомъ." При такомъ характерѣ жизни Аксакова, біографія его должна разлагаться въ его литературныхъ и ученыхъ занятіяхъ. Его научно-литературная дѣятельность начинается еще на студенческой скамьѣ, и какъ прилично такому идеалисту-стихотворцу. Загвоздъ онъ участвовалъ въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ и Бѣлинскій: въ „Телескопъ“, „Молвъ“, „Московское Наблюденіе“. Въ 1838г. Аксаковъ поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ всего 5 мѣсяцевъ, и возвратился обратно, вполнѣ стѣсненъ. Эта поездка прошла для К. С. почти безслѣдно. Отъ нея сохранился рассказъ о томъ, какъ онъ во время пребыванія своего въ Берлинѣ въ первый и послѣдній разъ познакомился съ женщиною. И здѣсь онъ поступилъ какъ крайній идеалистъ. „На перекресткѣ одной изъ берлинскихъ улицъ обратила на себя его вниманіе молоденькая продавщица цвѣтѣвъ. Милосвѣдное лицо нѣмойки повѣдалось ему отраженіемъ столь же привлекательной души. И началъ онъ каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, отвѣщаясь при этомъ складать продавщицѣ нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отвѣчала, и между ними установилась жѣзвѣстная интимность. Ободренный молодой

человѣкъ началъ все долѣе и долѣе простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить Шмелера и читать изъ него наиболѣе возвышенныя и трогательныя думы мѣста. Чѣмъ болѣе внимательнѣе слушалъ чтеніе и все болѣе и болѣе задумывался во время его. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Что вотъ въ одно изъ посвященій цвѣточной лавочки продавщица ему прямо заявляетъ, что Шмелеръ — Шмелеромъ, а что она ей отбиваетъ покупателей, что объ его продолжительныхъ посвященіяхъ много говорятъ ее — слышавъ, что если онъ захочетъ продолжать знакомство, то ей было бы желательнѣе получить отъ него что-нибудь существеннѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя брачныхъ узъ, готова всецѣло отдать въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи управлѣній съ неба прямо въ луну идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, и когда впоследствии пріятель, узнавши отъ него въ минуту откровенности всю исторію, пробовая дразнить его ею, лицо Аксакова перекашивалось отъ внутренняго страданія. Въ 1847 году Аксаковъ защищалъ диссертацию о Ломоносовѣ, которая при печатаніи была, однако, сильно урезана цензурой. Въ то время, въ 1848—1855 годахъ, цензура отличалась сильнымъ притириваніемъ, доходившимъ часто до смѣшного. Причиной этому были тогдашніе со-

бытія въ западной Европѣ (1848г.). Цензурныя
 строгости долго преслѣдовали и Аксакова.
 »Желая снѣтсѣя съ народомъ не только ду-
 ховно, но и наружно, К. Аксаковъ рѣшилъ, что
 ему слѣдуетъ принять вѣнчанный народный об-
 ливъ. Для этого онъ одѣлъ на голову мур-
 манку, нарядивъ въ рубашку съ косымъ во-
 ротомъ и отпустивъ бороду. Съ послѣд-
 нѣмъ до 1848г. ничего предосудительнаго не
 вышло. Но почти съ первыми же вѣсями
 о февральскихъ, мартовскихъ и проч. рево-
 люціонныхъ событіяхъ началось у насъ гоне-
 ніе на бороду. Обильная растительность
 на головѣ, большая борода и длинные во-
 лосы были очень модны въ 1848 году въ про-
 грессивныхъ и революціонныхъ сферахъ Ев-
 ропы. И вотъ, благодаря этому, поимен-
 ной бороды воспрещается. Съ тѣмъ многими дру-
 гимъ К. Аксакову черезъ полицію было предва-
 жено, чтобы онъ сбрилъ бороду. Въ 1852 г. былъ
 возобновленъ «Московскій сборникъ», который изда-
 вали Влѣкнориллинъ. Тогдашній министръ
 народнаго просвѣщенія Мишинъ-Михи-
 ловъ счелъ направленіе сборника предосуди-
 тельнымъ и наложилъ, что «хотя народность
 и составляетъ одну изъ главныхъ основъ наше-
 го государственнаго бытія, но развитіе понятія
 о ней не должно быть одностороннее и безуслов-
 ное; иначе безотчетное стремленіе къ народ-
 ности можетъ перейти въ крайность и выль-
 сть пользы принести существенный вредъ». Это
 замѣчаніе было сдѣлано по поводу 1-го тома,
 а второй томъ сборника былъ уже имъ за-

прецедентъ. Московскій цензурный комитетъ на-
ходилъ, что К. Аксаковъ „подобно Хомякову ата-
ридется отыскивать въ сказкахъ и повѣстяхъ
признаки того же, небывалаго въ Россіи, об-
щественнаго порядка дѣлъ. Но кромѣ того Чл.
Аксаковъ указываетъ на мѣста, гдѣ Соловей-
разбойникъ называетъ великаго князя воруи,
богатырь тургаринъ Зипевинъ цѣлуетъ вели-
кую княгиню въ уста сахарныя, а Ямша
Поповичъ цѣлѣ не называетъ ее сурою.“ Сборникъ
этотъ, по объясненію цензора издателя, былъ
запрещенъ не столько за то, что въ немъ сказа-
но, сколько за то, что упомянуто. Затѣмъ все
сотруднивши сборника вѣнчались съ К. Аксаковымъ
были отданы подъ полицейскій надзоръ, —
„фактъ любопытный не только для характе-
ристики того времени, но и специально для по-
рога славянофильства. Онъ показываетъ, что въ
первое десятилетіе своего существованія сла-
вянофильство еще на столько мало опредѣлило
практическій характеръ своей доктрины, на
столько мало заявило себя на почвѣ фран-
цузской поддержки основъ русской жизни, что въ-
домства, наблюдавшія за образомъ мыслей, не
могли отличить благонамереннаго народничаго
отъ оппозиціоннаго демократизма.“ Въ 1859 году
умеръ отецъ Константина Сергѣевича, Сергѣй
Минорьевичъ. Ч. С. не перенесъ этой смерти,
впалъ въ злѣйшую галочку и сухотку безъ вѣдѣ-
нія физическихъ powodовъ къ тому, началъ
медленно умирать и умеръ буквально съ го-
ловки. Это тѣмъ болѣе поразительно, что К.
С. былъ атлетическаго сложенія и крѣпкаго

здоровья, за что был прозван одним тогдашним медиком „печенговым“. Наконец, К. С. скончался 7 декабря 1860 года вдали от родины, на греческом острове Занте. Сохранился рассказ о том, как его похоронили перед смертью один греческий священник за немилым русскому. Покойник Н. С. в „Рус. Архиве“ 1885 г. № 3 говорит: „грек, призванный к умирающему и спотыкнувшись по-просту справился с гробом, был изумлен похоронкой, приглашением и женской столь необыкновенного человека. Самым простодушным образом выразил он свое удивление и недоумение; он просил не брать от меня похоронку всех близких этого человека и, главное, мать покойного. Ему хотелось ей передать и если не придеяться, то грек просил ее передать от него — праведника скончавшаяся; еще не видывав похоронки пригласить такой веры на земле. Он не прекращал своих расспросов: да кто же это был? Кто умер перед ним? — Ему отвечали, что это был К. С. Аксаков. И что же можно было сказать больше этого? —

Сочинения Н. С., изданные его братом Иваном Сергеевичем, предположены были изданы быть раздвоенными на 6 томов, из которых в первый том вошли исторический сочинения Константина Сергеевича, состоящие из отрывков статей, рецензий и т. д. В статье „об основных началах русской истории“ К. С. говорит, что Европейский го-

гударства основаны на завоеваніи, власѣ насильственно утвердились у покоренныхъ народовъ. „Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, невраждебною, но защитною и утвердились съ согласіемъ народнаго.“ „Планивъ образъ, рабское чувство покореннаго леги въ основаніи западнаго государства; свободное чувство разумно и добровольно призваннаго власти леги въ основаніи государства русскаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ непонимаемой, бѣдъ вои его на него наложенной и его непонимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной.“ Планивъ образъ, на западѣ всегда вражда, насиліе, рабство, а у насъ свобода, миръ; — въ чемъ заключается коренное различіе между Русью и западными государствами. Но еще сильнее стало это различіе, когда пришедшія сюда веры въѣхали въ Русь. Православная вера была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Странно въ такомъ родѣ говорить свое мнѣніе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заширавъ дана и истинный, дана и ложный путь веры, — первый — Руси, второй — западу. Между народами и властью, основанной на добровольномъ соглашеніи, должна быть полная довѣренность; гарантіи не должно быть, гарантія есть зло, по выраженію Аксакова.

Свобода народная выражалась сначала въ вѣ-
чѣ, а потомъ эти вѣча замѣнились земскимъ
собратьемъ или думою, гдѣ спрашивали мнѣнія вы-
борныхъ отъ разныхъ сословій; „они говорили:
мысль наша такова, а такъ какъ бу-
детъ угодно государю“. Съ тою же доверен-
ностью, безъ всякихъ гарантій, какъ было при
началѣ исторіи, русскій народъ въ смутное
время передавалъ власть избранному всей землей,
Михаилу Федоровичу. Въ статьѣ своей „о Рус-
ской исторіи“ Константинъ Сергѣевичъ про-
водитъ различіе между исторіей Россіи и За-
пада. „Русская исторія, въ сравненіи съ исто-
ріей Запада Европы, отличается такою про-
стотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣ-
ка, привыкшаго къ театральнымъ выход-
камъ...“ „вы не встрѣтите въ ней (въ рус-
ской исторіи) ни одной этой красивой лжи,
которая заставляетъ человѣка воображать
собой въ своемъ собственномъ порывѣ, гово-
рять фразы, щеголять нарядомъ тѣла и
души. Въ русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гор-
даго, ничего блестящаго, ни единого эффек-
та, — все просто. Слово скупо; вы встрѣ-
тите его столько, сколько нужно для дѣла,
скорѣе даже меньше, чѣмъ нужно для дѣла.
Совершаютъ великія дѣла безъ щегольства
и хвастливости...“ Но русскій народъ не
спавъ и въ другую гордость, гордость сми-
ренія, въ гордость вѣрною, т. е. онъ не воз-
гордился тѣмъ, что живетъ вѣру. Нѣтъ,
это народъ христіанскій въ настоящемъ
смыслѣ этого слова, постоянно чувствую-

щей свою зрѣловость. Исторія русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ, исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ по стремленію своей жизни." Но вотъ происходитъ переворотъ въ русской исторіи — при Петровѣ. Петръ хотѣлъ оторвать Русь отъ народныхъ основъ и пустилъ ее по ложному пути запада. „Петръ подчинилъ Россію вліянію запада; во всемъ извѣстное подражаніе западу доходило до неистовства. Отъ запада Россія принимала все, начиная отъ началъ до результатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья (исторически всегда начинала съ послѣднихъ и доходила до первыхъ). Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и униженное! Но благодареніе Богу — не вся Россія, а только часть пошла этимъ путемъ." Афанасову принадлежатъ еще статьи по поводу I, VI, VII и VIII тома по исторіи Соловьева и другихъ статей и сочиненій по русской исторіи. Статья его: „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскіхъ въ особенности" содержитъ въ себѣ главные выводы славянофильской школы объ общинномъ бытѣ въ русской исторіи. Здѣсь, въ этой статьѣ Констанѣи Сергеевнѣ говоритъ, что первые шаги въ изясненіи русскую исторію нѣмцы, только-вавшіе явленія русской исторіи съ своей неумолимою точности зрѣнія; нѣтъ выводовъ одностороннихъ. Соловьевъ со своими послѣдователями, при всемъ своемъ желаніи самостоятельнаго пониманія русской исто-

рин, быть все-таки последователем ньюца Эверса (по поводу выхода 1 тома истории Соловьева, К.С. опровергает его теорию о родо-вом бытии). Аксаков доказывает, что не родъ, а семья была основой бытия Славянъ. Онъ говоритъ, что родъ есть безспорно первая ступень общесѣва, но такое естественное, первоначальное состояніе людей не есть бытіе; его исторію не поминать. Затѣмъ, приводя древнѣйшія извѣстія о Славянахъ, К.С. приходитъ къ заключенію, что у Славянъ издавна существовало общинное бытіе. Извѣстное сказаніе Челюска, „о судѣ Любичи“, приводимое Соловьевымъ въ подтвержденіе теоріи родового бытія, скорее можетъ служить доказа-тельствомъ общиннаго бытія и семейнаго начала. Затѣмъ, К.С. доказываетъ существованіе въ древней Руси семьи и общины на основаніи извѣстій летописи и русской правды. Кроме того въ современной терминологіи степеней родства мы видимъ доказа-тельство въ пользу семьи, а не рода. К.С. говоритъ: „Русскій народъ, такъ богато обставившій словами весь отношеніи семей-ная (деверь, золовка, невестка, шуринъ и пр.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu. Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Фразею cousin народъ употребляетъ составное слово-братъ двоюродный, т.е. двухъ родовъ. Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ:—братъ родной; это бышось очень недостаточно, если бы слово родной

имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это
значитъ: братъ семьи, т. е. одной семьи (одного
рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ
двояродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей.
Наконецъ, К. С. приходитъ къ заключенію, что

» Русская земля есть изначала наименѣе
патріархальная, наиболѣе семейная и наи-
болѣе общесѣвенная (именно общинная) земля. »

Теоретическія воззрѣнія Аксакова отра-
зились на характеръ его изслѣдованій; онъ
подбираетъ въ источникахъ тѣ мѣста, ко-
торые подходятъ къ его теоріи. Напри-
мѣръ, едва ли справедливо Аксаковъ ут-
верждаетъ, что въ Новгородѣ было монархи-
ческое начало. Затѣмъ, едва ли справедли-
во также, что на западъ всюду борьба,
насилие, а у насъ миръ, согласіе: достато-
чно для этого указать на удѣльный періодъ;
достаточно вспомнить некоторые факты
изъ исторіи Новгородскаго вѣка, чтобы не
согласіе съ трюгаченскими единодуші-
емъ между вѣлами и княземъ, о кото-
ромъ проповѣдуетъ Аксаковъ. Въ исторіи
мысли Константина Сергѣевича въ смысле
основнаго взгляда на русскую исторію
заслуживаютъ вниманія. Благодаря ему
было обращено вниманіе на русскую народ-
ность, на ея особенности, данъ толчокъ
изученію русской этнографіи; и теперь мы
имѣемъ много цѣннаго матеріала для
изученія русскаго народа. Взгляды К. С.
на общинный бытъ представляютъ весьма
цѣлесообразное значеніе и опровергаютъ взглядъ

до Зверса и родовой школы.

Иванъ Дмитриевичъ Бѣляевъ.

Н. Аксаковъ не былъ пристрастенъ въ ученыхъ, былъ простымъ любителемъ науки. Бѣляевъ былъ профессоромъ русскаго законодательства въ Московскомъ университетѣ и кромѣ того секретаремъ въ Московскомъ Историческомъ обществѣ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить его сочиненія: Лекціи по исторіи русскаго законодательства и „Разказы изъ русской исторіи“ въ 4^х книгахъ: 1., русская исторія отъ призванія князей до Монгольскаго на; 2., исторія Новгорода Великаго отъ древнѣйшихъ временъ до паденія; 3., Историческій очеркъ Пскова и 4., Историческій очеркъ Полоцкаго княжества. Бѣляевъ старается излагать русскую исторію по областному методу, обращаетъ особенное вниманіе на внутреннее состояніе народа. Напримѣръ, первая книга его состоитъ изъ II разказовъ, изъ которыхъ 5 посвящены исторіи князей, а шестъ — внутренней исторіи русской земли. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе его взглядъ на первоначальное разселеніе русскихъ славянъ. Они двигались съ Дунай на сѣверъ и это не было завоеваніемъ, а только мирнымъ движеніемъ колонизаціи, такъ какъ они двигались не всею другою, а небольшими парціями и въ разлitchное время, следовательно могли поселяться на новой землѣ только съ согласія старожиловъ. Положеніе славянъ

въ турской странѣ было ненадежно, туземцы неодобри-
тельно смотрѣли на новыхъ сосѣдей. Благодаря
такому шаткому положенію, славяне, могли се-
литъся не иначе, какъ укрѣпленными городами,
составляя союзы и общины, въ которые позволя-
лось поступать всякому, и туземца, лишь бы
кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защи-
щать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; ја-
кимъ только образомъ, при такихъ условияхъ об-
щинной жизни, славяне могли занять и ославя-
нить ту обширную страну, которая теперь на-
зывается Россіей. Раньше друшъ почувствовали
необходимость въ общинной и городской жизни
Улича и Пиверцы; Новгородъ тоже имѣлъ
общинное устройство; „въ самомъ Новгородѣ
каждый цѣлица, каждый конецъ составляли са-
мостоятельную общину съ своимъ управленіемъ,
съ своимъ общиннымъ цѣлицанскимъ или конган-
скимъ старостами, а цѣлый городъ былъ союзомъ
частныхъ общинъ, управляемый народными
вѣщами и выборными начальниками.“ Улича
въ Новгородѣ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бѣль-
евъ, не была мертвымъ рядомъ дворовъ, вытяну-
тыхъ въ линію, а также, какъ и конецъ, сосѣд-
ства живую общину, члены которой составля-
ли тѣсный союзъ, связанный и бытовыми, и
нравственными интересами, и притомъ какой
союзъ, который имѣлъ юридическое значеніе,
признанное за ними закономъ. Отъ Новгород-
скаго вѣща зависѣли все пригороды общины въ
владѣніи Новгорода. Въ связи съ общиннымъ
бытомъ авторъ разсматриваетъ и колониза-
цію Новгородской вольницы; громадное значеніе

въ дѣлѣ колонизаціи имѣлъ здѣсь обычай такъ
 называемаго повольничества. Разказы о по-
 литическомъ бытѣ древней Руси написаны
 очень популярно, но болѣе интереса пред-
 ставляютъ разказы о внутреннемъ бы-
 тѣ. Здѣсь взгляды Бѣляева до некоторой
 степени подходятъ къ взглядамъ К. Акса-
 кова. Княжеская власть въ первый вре-
 мена русской исторіи, а вѣсть съ ней
 и дружина, ея орудіе, резко отдѣлялась
 отъ земщины, имѣла свое собственное
 устройство. Внутреннее управление зем-
 щины послѣ призваній Рюриковичей не-
 сколько не измѣнилось; у некоторыхъ пле-
 менъ остались даже свои преданіе князь,
 ставшіе подружниками Рюриковичей. Въ
 дальнѣйшемъ ходѣ русской исторіи были
 случаи болѣе или менѣе тѣснаго сближе-
 нія земщины съ княжеской властью,
 и это сближеніе удавалось тѣмъ легче,
 чѣмъ ослѣдствіе была какая-нибудь кня-
 жеская мнѣя въ извѣстномъ удѣлѣ.
 „Но болѣе или менѣе сближеніе кня-
 зя съ земщиной, говоритъ Бѣляевъ, не-
 сколько не развивало княжеской вла-
 сти; въ этомъ отношеніи внуки и
 правнуки Ярослава не опередили своихъ
 отцовъ, княжеская власть и при нихъ
 продолжала лѣзть, какъ бы на по-
 верхности русскаго общества и не про-
 никала въглубь.“ Затѣмъ Бѣляевъ по-
 подробно анализируетъ состояніе русска-
 го общества времени Русской Правды.

Большое значеніе въ уголовномъ правѣ того времени имѣли такъ называемыя верви. Объ устройствѣ и значеніи ихъ Бѣляевъ говоритъ: „Изъ закона о верви, внесеннаго въ тогдашнюю (т. е. до Владиміра Мономаха) Русскую Правду, ясно видно, что въ то время, какъ и прежде, Русская земля, кромѣ дѣленія на города и пригороды, погосты и села, еще дѣлилась на общества, носившія названіе вервей. Общества сіи были добровольныя, независѣвшія ни отъ мѣстности, ни отъ подчиненія тай или другой власти, въ вервь каждый могъ вступать или не вступать по своему усмотрѣнію безъ всякихъ принужденій; такъ что въ одномъ и томъ же городѣ или селеніи жили рядомъ и тѣ, которые были членами верви и тѣ, которые не были членами верви; членомъ верви считался тотъ, кто вѣздилъ въ вервь, кто обѣзался каждаго года платить въ общій капиталъ верви извѣстную сумму денегъ по общинной раскладкѣ, и до тѣхъ поръ былъ членомъ верви, пока платилъ сумму, слѣдующую съ него, и какъ скоро переставалъ платить, то вѣльгу затѣмъ исключался изъ верви. Вервью называлось собственно общество, въ которомъ все члены были другъ по другу въ круговой поруки въ дѣлахъ по убійствамъ и крадамъ; такъ что если кому члену верви зачиненное или убійство приходилось

платить закономъ положенную пеню или
виру, то за него по раскладкѣ платили все
члены, состоящіе въ одной сѣнѣ вѣрви." Такого же характера отличаются
иссѣдованія Бѣльева по исторіи Новгоро-
да Великаго и Пскова; и здѣсь онъ болѣе
обращаетъ вниманія на внутренній бытъ
народа. Слабѣе другихъ его 4^й томъ „раз-
сказовъ". Здѣсь мы видимъ сличеніе Ли-
товскихъ формъ быта съ Полоцкими;
Литовскія учрежденія въ Полоцкѣ ав-
торъ ошибочно причисляетъ къ русскимъ.
Другой его трудъ „Лекціи по исторіи рус-
скаго законодательства" отличается
двумя особенностями: 1, Бѣлеевъ здѣсь
говоритъ, что исторія русскаго законода-
тельства не понятна безъ исторіи рус-
скаго общества. 2, Въ исторіи законода-
тельства онъ старается отлѣпить
русскія черты и прослѣдить вліяніе
иностранцевъ. Важное мѣсто зани-
маетъ его замѣчательное изсѣдова-
ніе: „Крестьяне на Руси". Этотъ трудъ
среди нѣмецкихъ критиковъ встрѣтилъ
нареканія, но онъ только не мѣняе и до
сихъ поръ представляетъ единственную
попытку систематическаго изложенія
исторіи русскаго крестьянства по памят-
никамъ русскаго законодательства.
Наконецъ, ему принадлежатъ рядъ ста-
тей въ журналахъ (между прочимъ въ
Временникѣ и въ Чтеніяхъ Московска-
го общества, издаваемыхъ подъ редакціей);

„О русских летописях“, „О земельном владении в Московской Руси“, „О старинной службе на окраинах Русского государства“, „О географических сведениях древней Руси XV в.“, „О земледелии“, „О дружини и земщине“, „О служилых людях Московского государства“, и „О русском войске“.

Лешковъ — третий представитель славянофильства, чистый юрист, профессор Московского университета. Ему принадлежит труд „Русский народъ и государство“, обладающий въ значительной степени снисходительным характеромъ. Лешковъ, подобно другимъ славянофиламъ, отделяетъ народъ и государство. Онъ говоритъ, что русской народности присуща одна идея, отличающая ее отъ западно-европейскихъ, — это идея общинности. Но идея эта можетъ быть развита только русскими людьми, путемъ изучения русскихъ памятниковъ. Эта общинность проявляется во всемъ ходе русской истории: въ древнейшій периодъ — въ форму вѣча, въ послѣдствіи — въ форму земельных соборовъ, и наконецъ, въ самое послѣднее время — въ общинномъ землевладении. Въ древнѣйшемъ периодѣ нашей истории идея общинности возникла потому, что русскими славянами, пришедшими съ Дуная и въѣзавшими народомъ, приходилось употреблять общій земель въ дѣлѣ защиты, коллектив-

ными трудомъ обрабатывать землю. За-
тѣмъ Лешковъ слѣдитъ за исторіей русской
поземельной общины въ послѣдующіе пери-
оды: во времена Русской Травды, Ман-
гольского ига; особенно тщательнымъ
фактическимъ анализомъ этикагого
его изслѣдованій о поземельной общинѣ
въ періодъ Московскаго государства (по
Писцовымъ книгамъ); система налоговъ,
характеръ поземельной собственности
прекрасно вынесены изъ Лешковымъ.

Кояловичъ — профессоръ С. Пе-
тербургской духовной академіи, напи-
салъ „исторію русскаго самосознанія“
или върнѣе — исторію русской исто-
ріи, русскую исторіографію. Кояло-
вичъ прямо заявляетъ въ своемъ введеніи,
что онъ ярый поборникъ субъективной
школы въ русской исторіи, и поэтому
у него все проникнуто тенденціоз-
ностью. Онъ сильно защищаетъ славя-
нофильскій воззрѣніи и съ точки зрѣ-
нія ихъ оцѣниваетъ мнѣнія другихъ
ученыхъ. Вообще этимъ сочиненіемъ
нужно пользоваться очень осторожно.
Другія его работы: 1, Литовская цер-
ковная унія и 2, Лекціи по исторіи
Западной Руси.

На рубежѣ народническаго славяно-
фильства и географическо-этногра-
фическаго направленія стоитъ
Афанасій Трокофьевичъ Щаповъ.
Библиографія: Аристовъ. А. П. Щаповъ
СПб. 1883. Козьминъ. А. П. Щаповъ,

его жизнь и деятельность. Иркутск 1902.

Ученая деятельность Щаповича тесно связана с его личностью и поэтому необходимо познакомиться с его Биографией.

Афанасий Прокофьевичъ былъ родомъ сибирякъ. Отецъ его былъ дворяномъ села Анчи за Байкаломъ, Иркутской г. и женился на простой крестьянской девушкѣ буряткѣ. Афанасій Прокофьевичъ родился въ 1830 г. и раннее дѣтство провелъ въ сельской избушкѣ, среди крестьянскихъ мальчиковъ, такъ сказать, на лонѣ природы. На девятый годъ онъ поступилъ въ Иркутскую бурсу. Обстановка бурсъ и условий жизни въ ней были самымъ тяжелымъ. „Полубитый въ ушпикѣ, говоритъ Пристовъ, были тѣсныя и сырыя, полы грязныя и промерзлыя во льношавъ мѣстахъ крысами, воздухъ знойный, отопленій почти совсѣмъ не полагалось даже въ зимнее время. Пища была самая грубая и въ малыхъ дозахъ, такъ что малышки по утрамъ мелкіе комтики чернаго хлѣба вырывали изъ рукъ другъ друга: такую нѣмнотайную порцію выдавали на каждаго!“ Учебная часть въ школѣ такъ же была обставлена очень дурно. Въ 1846 году Щаповъ перешелъ лучшимъ ученикомъ въ Сѣминарію, а по окончаніи въ ней курса онъ въ числѣ лучшихъ учениковъ посланъ былъ на казенный счетъ въ 1852 г.

въ Казанскую духовную Академію. Преподаваніе въ этой академіи отличалось въ то время схоластическими характеристиками, свѣтскихъ сочиненій (Пушкина, Гоголя и т. п.), а тѣмъ болѣе журналовъ, читать не позволялось и вообще господствовало цѣлѣ сторонны нахальства и робость, приниженность среди студентовъ. Но Щаповъ съ самаго начала резко выдѣлился своей беззащитной откровенностью: что было у него на улитъ, то и на языкъ, и всегда и предъ кѣмъ угодно; его речь отличалась прямою, поведеніе было просто, искренно, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Въ свѣдѣніе духовной чистоты своей онъ не понималъ, что такое имтрига, скрытность, лицемеріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь". А. П. былъ очень преданъ занятіямъ и съ особенной страстью занимался исторіей. Въ изумлялись его усидчивости; онъ не выходилъ подолгу даже на улицу, не принималъ участія въ играхъ товарищей. Часы по 17 въ сутки проводилъ онъ за конторкой, такъ что отъ его сапоговъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга шопотомъ на это диво и углубленія прозвали ямами новаго столпника, бласвеннаго Афанасія". На младшемъ курсѣ Щаповъ слушалъ монгольско-калмыцкія

кий языкъ и буддійское вториченіе у своего земляка и тогда бурята по предложению, проф. Бобровникова, автора знаменитой монгольской грамматики. Было нѣсколько и другихъ лучшихъ ученыхъ силъ; напримеръ, въ то время русскую словесность читалъ извѣстный Тарасиревъ. Вообще академія благотворно повліяла на научныя занятія Щанова и дала ему болѣе средства къ самостоятельности. Къ тому времени была переведена въ Казанскую академию Соловецкая библіотека изъ Петербурга, куда она была прислана изъ Соловецкаго монастыря во время осады его Англичанами. Студентами было поручено описать эту библіотеку, и они съ жаромъ знакомились съ ея многочисленными рукописями. На основаніи этихъ рукописей Щановъ писалъ статьи, появлявшіяся въ „Православномъ собеседникѣ“, который издавали при академіи. Особенное вниманіе обращалъ Щановъ на изученіе раскола; его диссертациа была посвящена этому вопросу и называется „Русскій расколъ старообрядства“. Онъ симпатически относился къ крестьянству. „Гордее сочувствіе къ русской народности, преслѣдованіе отечественныхъ интересовъ и всестороннее изученіе родной старины, проповѣдуемые славноносцами, окончательно утвердили

Щапова на избранномъ пути изуренія своеобразнаго міра русскаго народнаго духа и жизни. Въ годъ его окончанія курса стала выходить „Русская Бесѣда“ и др. Московскія изданія. Особенно въ эти годы онъ увлекался славянофильскими ученіемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ ихъ круга. По окончаніи курса въ академіи Щаповъ былъ оставленъ при ней бакалавромъ. Вскорѣ послѣ этого онъ началъ преподавать тому пороку, который поучилъ его въ юности, именно пьянству. Нужно замѣтить, что во время студентства Щаповъ былъ совершеннымъ аскетомъ и видѣтъ не мочь вина. Проведенная перемѣна была тѣмъ губительнѣе для него, что онъ съ крайнимъ пренебреженіемъ относился къ обстановкѣ, къ самому себѣ, къ практической, життѣйской мудрости и былъ очень нерасчетливъ. Неаккуратно онъ посещалъ лекціи въ академіи; одну лекцію тщательнѣе обрабатываетъ, а другую составляетъ на живую нитку. „Иногда появлялся Щаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснитъ и скажетъ: „Ничего я, господа, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ-нибудь“ и поведетъ съ студентами рѣчь объ ученыхъ предметахъ; разговоръ тихій, спокойный и серьезно, какъ будто читалась въ самомъ дѣлѣ насто-

ящая лекція. Изъ такихъ неподготовлен-
 ныхъ бестудъ студенты выносили нередко
 то новыя воззрѣнія, то неизвѣстные или
 свѣдѣнія о минувшей жизни русскаго на-
 рода. Читалъ лекціи онъ очень быстро
 и съ большимъ увлеченіемъ, но былъ
 однимъ недостаткомъ въ немъ — необрабо-
 танность языка: „тяжелый и невоз-
 душный языкъ его всегда отличался
 шероховатостью и чуждостью, хо-
 тя носилъ на себѣ своеобразный отпе-
 чатокъ оригинальности; это была сво-
 его рода шаповищина, какъ окрестили
 его нѣкоторые студенты.“ Въ свободное вре-
 мя Шаповъ любилъ проводить время
 со студентами, принимать бестуды вра-
 щавшіе преимущественно на пред-
 метяхъ науки. Эти бестуды оканчи-
 вались часто вышивкой. Скоро онъ
 до того привыкъ къ тому, что дальнѣйшая
 участь его была несомнѣнна. Въ это
 время онъ писалъ обыкновенно свое-
 му приятелю, студенту 5 курса ме-
 дицинскаго факультета, Россову,
 законченную записку: „Россовъ, у-
 меня что-то въ родѣ delirium tre-
 мens.“ Россовъ являлся и скоро поправ-
 лялъ его. Благоутробное вліяніе
 на научныя воззрѣнія Шаповъ а-
 имѣло его знакомство съ доцентомъ
 Казанскаго университета Ешевскимъ.
 „Ешевскій часто и много толковалъ
 со Шаповымъ о колонизаціи сѣверо-
 рускаго исторіограф. 2 ч. лекц. проф. Багалъевъ листъ 35

восточнаго края и Поморья Россіи и указывалъ на соловецкія рукописи, какъ на драгоценный источникъ для разработки этого вѣчнаго вопроса". Поповъ, читавшій въ Казанскомъ университетѣ русскую исторію посылъ Ешевскаго, рекомендовалъ факультету на свое имя это Щапова. Въ это время А. Прок. особенно сильно увлекался славяно-филискими изданіями: „Когда, на-примѣръ, вышло въ 1858 г. сочиненіе Лешкова „Русскій народъ и государство“, онъ носилъ съ собой цѣлыя томы и все совѣтовалъ студентамъ непре-мѣнно прочитать его, да и не разъ. Славянофиловскіе сочиненія установили окончательно его взглядъ на русскую исторію, въ которой должны обратъ-раться не одни формы жизни и учрежде-ній государственныхъ, но самъ на-родъ, какъ творецъ своего быта, выступи-ть на первый планъ, съ его отличи-тельными духовными чертами и особеннымъ складомъ характера." Но раздѣляя взгляды славянофиловъ, онъ не считалъ себя послѣдователемъ ихъ ученія; онъ даже иногда какъ-будто боялся, чтобы его не назвали славянофиломъ. Изъ печатныхъ сочине-ній Щапова первымъ появилась ма-гистерская диссертация, которая имъ еще на студентской скамьѣ, подъ заглавіемъ: „Русскій расколъ старо-

обрядства, рассматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и градеданственности въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII в." Въ „Православномъ собесѣдникѣ" Щановъ напечаталъ съ 1858 г. по 1862 г. девять статей разнаго содержания и издалъ 9 памятниковъ русской исторіи, извлеченныхъ изъ соловецкой библіотеки. Все лучшее и зрѣлое было написано Щановымъ въ 1858-1861 годахъ, когда и студентъ относился требовательно къ его неискривнымъ лекціямъ, возставаши противъ его скороспѣлыхъ выводовъ; и частотодобныя замечанія вліяли благотворно на научныя работы Щанова. Около этого же времени онъ создалъ свою систему взглядовъ и историческихъ убѣжденій, привлечь особенное вниманіе обращалъ на начала народной жизни, на земскій складъ русской исторіи, особенно на начало образованій Россіи путемъ колонизаціи. Въ 1859 и 1860 годахъ вопросъ о колонизаціи развился шире во взгляды Щанова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованій внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать урѣдбный и областной порядокъ, отрасти управленій и суда, общественной экономіи и прог. Такъ, по его выводамъ,

путемъ колонизаціи началось самообразо-
ваніе областныхъ земскихъ общинъ
съ ихъ самоуправленіемъ. Въ силу этого
земскаго саморазвитія и самоустрой-
ства, организовалась селская община,
городская община, уѣзды, станъ и волость;
последній дѣленій имѣли сначала хозяй-
ственно-промышленное значеніе, а по-
томъ административное. Границами
уѣздовъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣле-
ній служили рѣчные системы или окра-
ины разработанной земли, „покашивать
топоръ, соха и коса ходили“. Имѣя въ виду
естественное возникновеніе внутрен-
няго областного строя на основѣ исто-
рико-географической, Шаповъ въ то же
время придавалъ болѣе значеніе пле-
меннымъ особенностямъ народонасе-
ленія, считая историко-этнографиче-
скій элементъ основой земскаго строенія.
На историко-этнографической основѣ,
при земской самообытности областныхъ
общинъ, созданъ кооперативный со-
юзъ всей земли русской. Начала наро-
довѣтій или земско-общиннаго устрой-
ства служили основой для свободнаго
склада всего юридическаго и политическа-
го быта Россіи. 1, Въ мелкихъ общинахъ
явилась мирская сходка или міръ, селская
сходка, громада, мирское собраніе у раско-
льниковъ; 2, въ городскихъ или большихъ со-
бранихъ видны сходки на душу, на вѣка, въ
другихъ мѣстахъ сѣмьи, рады, казачьи круги;

3, связующими собраниями городских и сельских сходов служили областные земские съезды, и 4, наконец, для связи всех областей явился „съезд всей земли“ или „земский собор“. Въ концѣ 1860 года Щаповъ сталъ читать лекціи въ университетѣ, и его вступительная лекція, подъ названіемъ „общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“ произвела громадное впечатлѣніе на слушателей своей силой убѣжденій и вѣроуверенной рѣчью. Съ этого поръ Щаповъ считался „идоломъ“ студенческой массы; аудиторіи другихъ профессоровъ пустѣли, когда происходила лекція Щапова. Но такая, быстро приобретенная популярность, можно сказать, поубила Щапова. Онъ началъ открыто говорить о некоторыхъ вопросахъ и современныхъ порядкахъ съ такой свободой, какъ будто цѣло и цѣль о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Онъ былъ обязанъ студенческими рукоплесканіями и не подозревалъ, что эта дешевая слава куплена цѣной самостоятельности ученыхъ изслѣдованій и занятій и что не онъ теперь будетъ руководить занятіями, а студенты будутъ указывать ему на предметъ чтеній. Роковымъ событіемъ для Щапова было возмущеніе крестьянъ въ селѣ Безднѣ Спасекаго уѣзда Казанской губерніи по поводу манифеста 19 февраля. Въ одной изъ казанскихъ церквей была отслужена панихида по убитымъ въ

этомъ возмущеніи, а Щаповъ сказалъ по этому поводу рѣчь, послѣ которой онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ III отдѣленіе. Здѣсь онъ принесъ чистосердечное раскаяніе, былъ прощенъ и принятъ на поруки тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Вацетвымъ, который сдѣлалъ его чиновникомъ по раскольничьимъ дѣламъ и позволилъ заниматься научными изслѣдованіями. Несмотря на такой суровый жизненный опытъ, Щаповъ остался съ тѣмъ же чувствительнымъ въ своемъ характерѣ и обращеніи съ людьми, какъ и прежде. Такъ, напримеръ, онъ безцеремонно обращался и даже выгонялъ изъ своей квартиры петербургскихъ литераторовъ, приходившихъ съ нимъ знакомиться. Относительно убѣжденій и воззрѣній Щапова нужно прежде всего сказать, что онъ въ продолженіи всей своей жизни горячо отстаивалъ и превозносилъ народъ, скорбѣлъ объ его угнетенномъ состояніи. Особенно ярко эта скорбь выразилась въ его статьѣ (въ 1862г.) „Благданская грусть“. На Сибирь онъ смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейскою Россіей. Впродѣль идеализація народа, и въ частности высокое мнѣніе о Сибири и Малороссіи, являются у него результатомъ того, что онъ былъ знакомъ со всѣмъ этимъ только по книжкамъ или по самымъ раннимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ и онъ самъ разочаровывался въ

нъ некоторыхъ предметахъ при столкновении
 съ жизнью. Щаповъ участвовалъ въ разныхъ
 журналахъ различныхъ направлений. Дѣло
 въ томъ, что ему трудно было примкнуть
 къ какому-нибудь опредѣленному направле-
 нію; нужно было поддѣлываться подъ тре-
 бованія и вкусы журнала, перекладывать
 содержание статей во вкусъ современныхъ
 интересовъ. Въ 1862 г. онъ познакомился съ
 дѣвицей Меленушкиной, которая со-
 лгалась потопить его женой и была для него
 настоящимъ ангеломъ хранителемъ,
 оберегала и, по крайнѣйшей мѣрѣ, старалась
 охранить его отъ губительнаго порока, не
 смотря на грубые выходы съ его стороны
 и даже иногда побои — конечно въ пѣломъ
 видѣ; она сопровождала его въ Иркутскъ,
 куда онъ былъ сосланъ въ 1864 г. Во время
 пребыванія въ Петербургѣ Щаповъ почув-
 ствовалъ недостатокъ своего образованія,
 такъ какъ онъ не былъ знакомъ съ естествен-
 ными науками. Въ свойственные ему увлече-
 нія онъ сталъ знакомиться съ сочиненіями по
 естественнымъ наукамъ и не приобрѣтъ еще
 основательнаго знакомства съ ними, сталъ
 прилагать ихъ выводы къ ходу русской исто-
 ріи, и выводы его дѣлались отъ этого незрѣлы-
 ми и слишкомъ поспѣшными; такими, имен-
 но, характерными отличаются всѣ его ста-
 тьи, написанныя или не столько на основа-
 нии фактическихъ данныхъ, сколько изъ ис-
 слѣданій оправдать выводы или естествозна-
 ній ходъ русской исторіи. Въ подобныхъ стать-

Якъ широкость его слога выступаетъ особенно ярко: онъ словно налезаетъ на такіе термины, какъ „зоолого-экономическій“, „умственно-изобрѣтательный“, „теолого-пантотрофическій“, „сенсуально-фетицистическій“ и т. п. Въ напечатанныхъ во время пребыванія Муанова въ Петербургъ статьяхъ и его принадлежатъ: „Великорусскія области и смутное время“ (О. З. 1861 г. № 10, 11.); въ „Русскія слова“ (1865 г.) напечатана и изда- на отдельной брошюрой статья: „Естественное и народная экономія. Историко-географическое распределение народонаселенія въ Россіи“; затѣмъ ему принадле- жатъ статья: „этнографическая организація русскаго народонаселенія“ (Библиотечка ГИИ т. 1864. - 1); продолженій не было). Муановъ продолжалъ писать и въ Сибири. Между прочимъ сюда принадлежатъ его статьи „соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ (СПб. 1870 г.) „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи“ (Извѣстія СПб. общества Рус. геогр. Общ. 1872 года т. III № 3, 4, 5); „Историко-географическія замѣтки о Сибири. Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири“ (Изв. Сиб. Г. О. 1873 г. № 2).

Въ Иркутскѣ Муановъ не нашелъ того „образованнаго общества“, о которомъ онъ раньше мечталъ. Младшая общественная дѣятельности не находила у него выхода, его публичныя лекціи оставались въ болѣе или

ство незамыслили, и это сильно огорча-
ло Щапова. Материальное положение Щапо-
вых ухудшилось в Иркутскѣ еще болѣе,
такъ какъ статьи, посылаемыя или въ Пе-
тербургскіе журналы, оказывались часто не-
состоятельными, вѣздствие отсутствія
въ нихъ фактическаго матеріала и боль-
шой растянутости, и часто присылались
обратно, или значительно утѣжались.
При такомъ безнадѣльномъ положеніи Ща-
повъ еще болѣе сталъ погружаться въ
меланхолическое, сѣдался слишкомъ грубъ и нетер-
пимъ, но настойчивость и энергія его су-
пруги сдѣлали то, что онъ въ 70-хъ годахъ
совершенно пересталъ пить. Но вотъ умер-
ла его супруга и Щаповъ сдѣлался еще прак-
тиче предвѣдѣнъ, подозрительнѣе и нетерпи-
мѣе; онъ снова занялся горь, впасть въ не-
оплатные долги и страшную нищету. Онъ
долженъ былъ иногда приходиться къ знако-
мымъ и просить, чтобы его накормили хлѣ-
бомъ; наконецъ, онъ умеръ почти съ голода
въ 1876 году въ Февралѣ. На сколько безучаст-
но къ нему было Иркутское общество,
видно изъ того, что оно узнало о его смер-
ти, когда уже онъ давно лежалъ въ могилѣ.
Такая своеобразная біографія Щапова дол-
жна была отразиться и на его ученыхъ
трудахъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ
по своему характеру и значенію тремъ
эпохамъ его жизни. Въ свою очередь и пер-
вая эпоха — Казанская можетъ быть раз-
дѣл. исторіогр. 2 ч. лекц. проф. Багалъа Листъ 86

дѣлена на 2 части. Подъ вліяніемъ академическаго воспитанія онъ былъ проникнутъ монашескимъ аскетизмомъ, извѣстными церковными традиціями, и съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ событія изъ русской исторіи. Въ первое время его исключительно интересуютъ событія изъ церковной исторіи, и статьи его печатались въ „Православномъ Собесѣдникѣ“; между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе его статья: „согдѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи“; она заключаетъ много выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей. Наибольше выдающаяся его статья: „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта не свободныхъ людей“; она написана горячо и обратила на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что имѣла современный интересъ, такъ какъ совпала съ временемъ подготовительныхъ работъ къ освобожденію крестьянъ. Щаповъ старается защитить здѣсь права духовенства на владѣніе крестьянами, но защита вышла искусственна и неудачна; она вызвала въ то время рѣзкія опроверженія въ „Современникѣ“. Затѣмъ, есть еще одна статья Щапова, которая и до сихъ поръ имѣетъ значеніе и написана почти исключительно на основаніи выдержекъ изъ соловецкихъ рукописей, отличается живыми изобразженіемъ, чувствомъ и энергіей, но въ соціальномъ имѣетъ не мало мелкихъ ошибокъ и имѣетъ; статья эта носитъ заявленіе: „попеченіе отечественной церкви о выку-

тренинги благоустройства русского гражданского общества въ XIII-XV в. " Въ некоторыхъ изъ перечисленныхъ сѣхъ статей проглядываютъ зачатки того направленія, которое онъ выработалъ въ послѣдствіи. Къ этому же времени относится его „программа исторіи русскаго народа". Въ ней Щаповъ даетъ планъ своего университетскаго курса. Программа изложена кратко, не отличается систематичностью, выдержанностью, имѣетъ пропуски, какъ всякій краткій конспектъ, но и въ ней преобладаютъ излюбленные вопросы, надъ которыми тогда и потомъ работалъ Щаповъ. Но славу Щапова составило его сочиненіе „Русскій расколъ старообрядства" — его магистерская диссертация. Ему принадлежатъ двѣ статьи историко-географическаго и историко-этнографическаго характера. Въ „Русскомъ словѣ" (за 1865 годъ) помѣщена его статья: „историко-географическое распределение народонаселенія". Здѣсь Щаповъ между прочимъ высказываетъ мысль, что хозяйство народное имѣло „ловецкій" характеръ: непосредственная, дикая, зоологическая экономія водъ, львовъ, воздушныхъ сферъ въ земско-хозяйственномъ устройствѣ и географическомъ распределеніи народа, всецѣло преобладала надъ національно-промышленнымъ хозяйствомъ народа. Охотничій, хищнический, или, по выраженію древнихъ актовъ, „ловчій, ловецкій" характеръ промысловъ и поселеній преобладалъ надъ устьвенно-изобрѣтатель-

ными, интеллектуальными, промышленными направлениями". Затѣмъ онъ указываетъ на то, что хозяйство древней Руси состояло въ различныхъ путяхъ и уходящихъ боброничьихъ, бортничьихъ, рыболовныхъ, сокольниковыхъ, кречетныхъ и т. п. Въ этихъ промыслахъ все было богатство народа и государства. При всеобщей бѣдности въ дѣтскихъ платили подати натурой, преимущественно мѣхами „лижкою ружьяго". Если хотѣли опредѣлить чье либо богатство, то выражали его въ количестве мѣховъ, по преимуществу собольихъ. Мѣха давали въ долъ, мѣхали и расплачивались. „Подарки и постанники государю и посланъ, говоритъ Щановъ, да еще субсидіи европейскимъ дворянамъ состояли изъ мѣховъ". Но съ теченіемъ времени ловческіе промыслы начинаютъ приходить въ упадокъ. Щановъ указываетъ на привилегіи упадка: „Съ истребленіемъ лѣсовъ и, вѣроятно того, съ уменьшеніемъ дикихъ звѣрей и бортныхъ пчелъ, съ ограниченіемъ, обмеленіемъ водныхъ бассейновъ и усиленнымъ выловомъ рыбы изъ этихъ ограниченныхъ бассейновъ, съ уменьшеніемъ дикихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ и проч. начали древній, первоначальный зоолого-экономическій основы поселеній и влѣсто нихъ немногочисленные были мало по малу изыскиваться новыя сферы народныхъ промысловъ и вырабатываться новыя формы и основы поселеній". Только въ Сибири продолжали еще и до сихъ поръ продолжаютъ находить поддержку куст-

ровъ, непосредственно натуральныя основы поселений. Въмѣсто предѣльныхъ промысловъ начинается развиваться скотоводство или земледѣліе. Причиной упадка предѣльныхъ ловчихъ промысловъ служитъ, такимъ образомъ, хищнический характеръ ихъ, а съ другой стороны — увеличеніе народонаселенія. Въ „Библиотекѣ для чтенія“ (1864г. №1; продолженій не было) — находится статья Щанова: „этнографическая организація русскаго народонаселенія“. Въ этой статьѣ онъ проводитъ общій взглядъ на обрусеніе инородцевъ русскими колонистами, или, наоборотъ, — на вырожденіе русскихъ и подчиненіе ихъ инородческому типу (объясненіе многихъ сибирскихъ поселенцевъ — русскихъ, принявъ утратившихъ даже языкъ, одежду и т. д.). Авторъ только обѣщаетъ дать въ слѣдующей статьѣ фактический очеркъ историко-этнографической организаціи русскаго народонаселенія по областямъ. Въ началѣ упомянутой статьи авторъ говоритъ: „едвали есть въ Европѣ государство, гдѣ бы не было большаго или меньшаго сибиренія расъ и племенъ. Но можно положительно сказать, что во всей Европѣ не найдется другое государство, которое заключало бы въ себѣ столько самыхъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ, какъ Россія. Какое множество и какая пестрота красокъ, означающая разные племена и расы! А вѣдь эти этнографическія краски означаютъ жизнь, означаютъ кровь, которая непрерывно приливала въ обширную и открытую равнину

ну русскую со всех сторон и преимущественно съ востока и сивалась и доселя еще сивается съ однимиъ организмами развивающагося русскаго народа, образуя новыя ткани, новыя формы, сложивъ все его новое напостаніе, народоупождение. Въ русскую равнину ведетъ „великая проходная дорога народовъ изъ мировой проходной страны центральной нагорной Азіи“; проходъ по этому пути, народы осылали въ обширной русской равнинѣ; съ теченіемъ времени поэтому почти прошли въ нынѣшнюю Россію и Сибирь четыре главныя расы: славянская, финская, тюркская и монголбеккая; всѣ эти племена долгие были приѣхали въ столкновение, стали смешиваться, скрещиваться и сивались въ одну расу. Изъ этихъ четырехъ расъ вышли почти исключительно только два наиболѣе сильныя племена: славянское и монголбекское (татары). Въ этой статьѣ Щановъ старается приложить выводы естественныхъ наукъ къ русской исторической жизни. Это стремленіе Щанова еще болѣе проявилось въ его сочиненіи: „соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“; это очень неудачная попытка объяснить условія умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа посылъ Петровской реформы.

§ 23 Историко-географическое направленіе.

Разработка русской исторической географіи началась у насъ очень рано. Щановъ, Костомаровъ и др. только старались придать этому вопросу теоретическое обоснованіе, опре-